
Как Люба Троицкая крестилась

[Олег СЛЕПЫНИН](#) - 16 апреля 2017

Body

С.В.

Ребристая речная вода отражала небо вместе с облаками, дробила их и перемешивала с солнцем. Геннадий Сергеевич грёб в лодке на противоположный берег, где весь косогор со всеми своими рытвинами был укрыт пятнистым ковром из цветов. Направление ему указывали с кормы две непрестанно хохочущие его воспитанницы.

- Левее! – кричала Катя.

- Правее! – кричала Олэнка.

Вдруг они обе обмерли. Улыбки скатались, детские их лица вытянулись. Геннадий Сергеевич оглянулся и замер со вскинутыми вёслами. Струйки воды добежали ему до ладоней. По незримой диагональной тропинке цветочного косогора, как по воздуху, к берегу спускалась – ни дать ни взять – сгорбленная, с клюкой, баба-яга. Кофта и юбка – лохмотья, соляной клочок торчит из дряблого малинового платка, лицо – груша печёная черенком вниз.

- Что, страшно? – зловеще сказал Геннадий Сергеевич. – Сейчас разберёмся, что тут за бабки-ёжки водятся!

Солнце распахнуло облака, жар вылился в лицо; сосновый бор с медными стволами и колючей зеленью на вершинах, откуда они плыли, прозрачно отражался у берега в песчаной зыби. Под деревьями, в сумеречной глубине бора, угадывались домики и палатки. К воде вышла Даниловна, владелица берега, хозяйка их детского православного лагеря, маленькая, тучная, всегда по православному закрыто одетая, и отец Сергей – большой, лохматый, никогда не стриженный, весь как бы из дубовых колод сбитый, в застиранном подряснике и мятой камилавке. О чём-то говорили, в небо смотрели и на его лодку.

Нос с шорохом ткнулся в траву, свисающую с глинистого бережка в воду. Старуха стояла над ними.

- Ну-ка, отвези меня на ту сторону! - тяжёлым глухим голосом приказала она.

- С удовольствием отвезу, - ответил он, улыбнувшись её нелепой грозности. - Только пусть девчонки цветов нарвут, а я чабрец поищу, мне для здоровья надо.

- Ищи! Тут всего много, - разрешила старуха, усаживаясь на скамеечку, оказавшуюся в траве.

Катя и Алёна, выскочив из лодки, бросились сквозь цветы вверх по косогору. А он не спеша, пружинистой походкой, двинулся вдоль берега по слабенькой тропочке. Слева светилась вода, пошевеливая в одном месте большие зелёные листья и жёлтые кувшинки, справа стояли стенкой мелкие цветы на высоких стеблях. Зайдя за поворот, он вдруг раскинул руки, провернулся и рухнул в цветы. В худую его спину остро уколело, по лицу неприятно быстро пробежала какая-то букашка, но он так и остался лежать, глядя в тёмное от солнца непонятное небо; васильки и ромашки свисали в лицо, пахло медвяными соками приземлённой жизни, он хотел подремать - поздно вчера лёг, но стебель колот и пришлось подняться.

Когда он вернулся к лодке, девчонки плескались в воде.

- Опять без разрешения, - сказал он мельком, думая о своём.

Одна девочка в ответ горланисто запела по-украински, захлопала ладонями по воде и на миг полностью скрылась в брызгах как в фонтане. Вторая, дочь местного дьякона, стоя по шею, медленно вынула из воды ладони, подпёрла ими головку как листьями бутон цветка, и блаженно нараспев проговорила: «Жа-аарко-оо».

Старуха сидела на корме, покачиваясь в такт движения вёсел. Лицо её было словно бы сложено из картошек и корней, - Геннадий Сергеевич видел похожее в каком-то журнале на картине, даже вспомнил где и при каких обстоятельствах. Глаза её смотрели склеротически голубенько, по-детски. Обута она была в клетчатые тапочки, испачканные сажей и глиной. Голени её ужасали - в чёрно-кровяных потёках разорвавшихся вен, распухшие как брёвна. Сердце сжалось. Старуха насуплено молчала.

- В село?

- В магазин, - грубо ответила она. - За пивом. Пива мне хочется.

- О как!? - удивился и покачал головой Геннадий Сергеевич, опуская вёсла. - За пивом не повезу.

- Почему?!

- Напьётесь и убьётесь! Грех. Не повезу. Отвезу назад.

- Пива не буду, - быстро проговорила старуха. - Мне хлеб нужен...

И она неожиданно завывала и всхлипнула, утробно, как ночной зверь:

- Ууу-уууу...

Девочки, звеневшие на носу, притихли.

- Что с вами?! – он поднял вёсла, с концов заструилась блестящая вода.

- Всем меня ненавидят, - она вытерла чёрным пальцем слезу. - Сын бьёт, пришёл вчера, валенком кинул!.. Внуков ко мне не пускает... И этот ещё!

- Кто?

- А, ладно! Калитку у меня украл. Забора уже нет. Теперь калитку украл.

- Кто?!

Она отмахнулась, в воду стала смотреть, руку опустила в струю.

- Как вас звать? – зачем-то спросил он.

То с готовностью ответила: - Люба! Любовь. Троицкая.

- Троицкая?.. Фамилия, наверно, поповская. В роду был священник?

- Кто ж його знае...

Он целили к причалу. Среди водной тишины издали отчётливо слышал обрывок разговора двух местных дядек, сидящих с удочками на помосте. Один говорил:

- Это как с детства научат. Помнишь, отец звал: «Пошли, сыны, в сад – яблоки воровать! На всю жизнь. Уж и отца нет, и яблок не потрибно, а мы с тобой всё за яблоками каждый год. Как заведённые... Вот и рыбалка...

Девочки неуклюже соскочили в мелкую солнечную воду, дробно отразившись в ней всей детской своей худобой, цветастыми купальничками и огромными, как планетные системы, цветочными венками.

- Катя! – окликнул он, - скажи Даниловне, я в село с бабушкой, потом отвезу обратно ...

- Не загуляйте там! – хихикнула та.

Геннадий Сергеевич хлопнул, как клювом, двумя пальцами ей в ответ, и услышал с причала:

- Я не позволяю бабку Любу возить!

Говорил кто-то из двух рыбаков. Геннадий Сергеевич не углядел, кто. Он знал, две лодки, которыми пользуется их лагерь, принадлежат не Даниловне, а кому-то из местных, имеющих в лагере свой интерес.

- Почему не позволишь? – он наугад обратился к мужичку в новеньком морковного цвета спортивном костюме.

- Она ведьма. Порчу наведёт! – ответил второй, весь в замурзано-сером.

- Брэше! Брэше! – грубо отозвалась старуха.

- И вообще! – наконец внушительно заговорил мужчина в морковном костюме, в полосатой рубашке под курточкой и узлом полосатого галстука. – Она, говорят, в молодости, в совхозе ещё, кого-то убила!

На этот раз старуха ничего не ответила, отвернулась.

В сером закинул спиннинг, затрещала катушка.

- Так что никуда ты её не повезёшь.

- Не нагнетай, мужики, - бодро ответил Геннадий Сергеевич, берясь за вёсла. - Я обещал, отвезу.

- Стоять! - приказал тот, что в спортивном, приподнялся, да вдруг обмяк, серый его дёрнул, придержал.

Отчаливая, Геннадий Сергеевич мельком глянул на рыбаков сквозь тени и тонкие ветки ивы. Видел, как серый мотнул головой, указывая за спину. Там на толстой ветке ивы висела тяжёлая бойцовская груша, которую Геннадий Сергеевич по утрам молотил руками и ногами.

Он пружинисто поднимался по дуге цветочного косогора, на одном пальце нёс растопыренный пакет бабы Любы. Та шкандыбала сзади, торопясь, тяжело дыша. Хата оказалась в низинке, почти вся за косогором, заросшая кустами сирени как брошенная. Дверь была заперта на висячий замок через тяжёлое железное кольцо и шаткую скобу. Внутри было словно б в чулане - сумеречно, захламлено, но любопытно. Из-под ног заполошно выскочил курчонок, заметался петлями, сунулся под шкафчик и там затих. С печной лежанки свисало драно-ватное красное одеяло; стол стоял как-то нелепо - посреди комнаты, заставленный банками, кастрюльками, на полу - не только у стен, повсюду - грудились какие-то коробки, бутылки. Всё было тенью замкнутой самой на себя полуживотной жизни, какой-то неизбывной горести, где светлые воспоминания если и присутствовали, то ни в чём не проявлялись. Он только лишь успел примерно так почувствовать - бабка Люба произнесла:

- Вот! - Она показывала клюкой на стену. Он подумал - это икона. Но нет, в застекленной раме было с десяток фотографий разного размера.

- Это Витька, сын мой, после армии, - она глухо рассказывала, словно б он только этого и ждал, как обещанного. - А это дочка... Света... Доца... А это я... В совхозе работала. Вон какая пышная! Этого мужчину не помню... А это... кто-то... А это внук Кирюша, а это в коляске Ваня. Да...

Геннадий Сергеевич заметил, нет в хате икон. Ему хотелось спросить про убийство, о котором болтанул рыбак, и про то, - так он был внутренне настроен в восприятии жизни, - крещена ли она. Решил про убийство не спрашивать.

- Вы крещены? - спросил о том, что последним толкнулось в груди.

- Нет! - тут же глухо отозвалась она и опустилась на лавку, узловатые чёрные руки уложив в подол.

- И не хотите?..

Та с жаром откликнулась:

- Очень **хочу!**.. Дюже **хочу!** Тилькы хто мене охрестыт?

Геннадий Сергеевич выглянул в окно. За мутным сдвоенным стеклом, сквозь ветки и листья сирени, виднелся край блестящей реки и дальний сосновый берег, в котором

прятался их лагерь. На воде, на середине Роси, оказалась лодка. Кто-то весь в тёмном неумело махал вёслами, сидя неправильно – лицом к носу. Листья сирени сместились, и Геннадий Сергеевич догадался, – это отец Сергей. Его нестриженная многие годы проседевшая борода знакомо уклонялась от ветра.

Это показалось невероятным, по-особому замерла душа, как от соприкосновения с запредельным. Невероятность картины ощутилась в том, что о. Сергей страдал водобоязнью. Ему, воевавшему в Афганистане, имевшему орден, почему-то казалось, что нет на свете страшнее смерти, чем смерть от захлёбывания. Если когда в жаркий вечер он и решался окунуться, то всегда звал с собой в уединённую заводь Геннадия Сергеевича, веря, что тот вытянет и откачает – обучен как тренер. Но от речных походов о. Сергей всегда отказывался: «Я здесь, в церковочке своей, о вас помолюсь».

Даниловна, несмотря на свою тучность, была женщиной резкой, но при этом умела бороться с внутренними своими душевными разладами. Для этой борьбы она на свои деньки и церковку на этой бывшей профсоюзной базе построила.

- Вот это да! – охнул Геннадий Сергеевич. – Отец Сергей сюда плывёт! Священник. Сейчас мы с ним всё решим. Вам, Люба, придётся с ним поговорить...

Геннадий Сергеевич спустился к навстречу лодки, к реке.

- Что-то случилось? – ещё издали крикнул он.

Отец Сергей сосредоточенно подгрёбал к берегу, лицо его было напряжённо-каменным; он не произнёс ни звука, пока не выбрался в траву, пока не потопал сапогами. Только тут разулыбался своей удивительной улыбкой, приобнял Геннадия Сергеевича:

- Даниловна сказала, ты сюда поплыл. Думаю, сейчас или никогда! Помолился. И меня как ангел в горсти перенёс!

- Видел, как нёс! – Геннадий Сергеевич ответил очень серьёзно. – И знаю зачем.

- Зачем? – отец Сергей стал, не мигая смотреть вверх, на тёмную фигуру на фоне неба, на бабу Любу.

- Эта женщина не крещена. Но хочет...

Вечером, после костра и отбоя, он сидел с о. Сергием на скамейке около домиков, ждал, когда дети угомонятся, слыша с разных сторон шёпоты, разговоры, фыркающий смех.

За их спинами, в домике старших девочек, Катя со страшной таинственностью рассказывала кому-то про мальчишек, о том, что Даня научился ловить мышей в пластиковую бутылку – в горлышко за приманкой залазят, и что сегодня поймал беременную крысу. Пока вытаскивали, придавили её, шею свернули. Решили крысят спасти! Кесарево сделать! Дуракаи! Димка с Вовкой за четыре лапы крысу на пеньке держали, Даня резал, скальпель тупым оказался... Ужас, что было!!!

- Вот это да! – прокомментировал о. Сергей.

Геннадий Сергеевич не ответил, дремал.

На третий день он привёз бабу Любу в лагерь. По пути она ему рассказала, как приготовилась. Есть у неё белая рубаха для крещения – показала пакет, сказала, что все грехи свои помнит, а молитву, какую надо, выучила.

- Но если что, напомните мне! – грубовато попросила она.

И ещё рассказала, что свежую рыбу купила и вечером пожарила, что капустняка наварила и кисель запарила – обед будет не хуже, чем надо.

Отец Сергей и несколько старших детей ждали в храме. Вера, старшая дочка дьякона Давида, вызвалась быть крёстной. Горели коричневые свечи, огоньков почти не было видно – так ярко било в разноцветное окошко солнце. Ещё с раннего утра о. Сергей придумал, как крестить – с мостков, прихватив бабу Любу за руки.

После второго погружения, стоя в воде, отражаясь белой рубахой по пояс, баба Люба заголосила:

- Ой, не хочу! Ой, не хо-очу!! Ой, вытягнуть мэне звидси!!!

- Молись, - тихо проговорил ей в самое ухо отец Сергей, стоя над ней – на коленях на мостках. Она примолкла, всхлипнула. И он, держа огромную свою ладонь на её макушке, окунул в третий раз:

- ... и Святаго Духа! Аминь!

Он тут же вытянул бабу Любу на мостки. На лице её жили потоки воды и светилось во всём своём мимолётном величии счастье.

Когда из церкви вернулись к лодкам, чтобы плыть на обед, на мостках обнаружили местные рыбаки.

- Я их пригласить хочу! – завидев их, тихо сказала она Геннадию Сергеевичу.

- Понял! – ответил он. – Нет проблем.

Он поздоровался с мужиками и, не обращая внимания, что те не ответили, заговорил.

- Мужики, - сказал он. – Люба Троицкая крестилась. Теперь она новый человек. Её можно поздравить... И она приглашает вас к себе на обед. Перекусить и выпить.

- Мы не пойидымо, - угрюмо ответили почти одновременно и отвернулись.

Плыли на двух лодках, четверо детей пели, в сотый раз повторяя полюбившийся молитвенный гимн. Даниловна была в настроении, первой начала:

- Пресвята-ая, пресвята-ая Богородица,

Спаси нас!..

Дети подхватили, подхватил и Геннадий Сергеевич:

- Непобеди-иимая Победа!

Святые Ангелы,

Херувимы, Серафимы и Архангелы,

Молите Бога о нас!..

Стол вынесли на гребень косогора, в цветы. Даниловна застелила его своей красной скатертью, с порыжевшей бахромой, со старыми следами чернил. Дети расставляли разномастную посуду, носили из хаты всё, на что указывала баба Люба.

С реки послышался резкий треск. Все стали смотреть – к их берегу, заложив крутой вираж, приближалась моторная лодка с двумя местными – в сером и оранжевом.

- Передумали, - сказал отец Сергей и разулыбался.

Через год вновь был организован лагерь. Ещё и вещей не разобрав, Геннадий Сергеевич кинулся искать лодку, нашёл и отправился на тот берег. Взлетел по косогору. Заросли кустов вокруг хаты были под корень вырублены, хата сияла свежей побелкой, окна и двери светились, отмытые. На двери висел новый замок.

- Умерла баба Любка! - сказала с велосипеда, останавливаясь, проезжавшая женщина. Она была во всём джинсовом, круглое её лицо было красным, сгоревшим.

- Давно?

- Говорят, на Новый год. Хорошо похоронили. Дочка приезжала, сын с детьми, он и сейчас в селе. Я скажу, он к вам заедет. Он вас искал. Хочет поговорить, чтобы ваш поп её запечатал...

Геннадий Сергеевич постоял перед старой дверью, потрогал железное кольцо, как за руку с домом попрощался, и заспешил по косогору вниз, к реке.

[Олег СЛЕПЫНИН](#) - 16 апреля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/04/kak-luba-troicka-krestilas>